

БУДУЩЕЕ РОССИИ.
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Человек. Личность. Гражданин

ПАТРИОТИЗМ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ:
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Я.С. ТУРБОВСКОЙ

*Институт стратегии развития образования
Российской академии образования, Москва, Россия*

Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества
и желание способствовать им во всех отношениях.

Н.М. Карамзин

Поэтом можешь ты не быть,
но гражданином быть обязан

Н.А. Некрасов

Аннотация

В статье делается попытка философского осмысления патриотизма и с педагогической, учебно-методической, методологической позиций обсуждается вопрос патриотического воспитания в общеобразовательных школах как важнейшей составляющей современного учебного процесса. Дается объяснение, почему педагог, профессионально не имея права вносить в детскую среду какую бы то ни было политическую разобщенность, тем не менее, призван осознавать свою предназначенность в целенаправленном формировании у каждого воспитанника чувств и личностных устремлений, воплощенных в исторически важном для каждого народа понятии – патриотизме. Показывается историческое стремление педагогов раскрывать пути повышения эффективности процесса целенаправленного формирования патриотизма как социальной потребности, призванной служить интересам определенных социальных общностей, связанных единством происхождения, культуры, языка и, естественно, осознаваемой необходимостью самосохранения и развития. Дается объяснение, что преподавание патриотизма как программно *изучаемого предмета* станет эффективным, только тогда, когда в детской душе будет находить *эмоциональный отклик*. В этом – фундаментальная основа *педагогического решения* проблемы патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотизм, педагогическая аксиоматика, Конституция, массовая практика, политическая разобщенность, педагогическая закономерность, потенциал народа, социальная потребность, самосохранение, развитие.

Турбовской Яков Семенович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель заведующего лаборатории теоретической педагогики и философии образования Института стратегии развития образования Российской академии образования, Председатель Совета директоров школ стран СНГ.

turbovskoy@instrao.ru

Цитирование: ТУРБОВСКОЙ Я.С. (2017) Патриотизм как государственная идеология: педагогический аспект // Философские науки. 2017. № 10. С. 7–26.

Я убежден, что школа и, естественно, педагоги и учителя по определению должны быть вне политики. Педагог не только не должен, но и профессионально не имеет права вносить в детскую среду какую бы то ни было политическую разобщенность, изначально осознавая свою личностную ответственность за формирование в душе каждого ученика, каждого студента любви к своей отчизне, неразрывность собственной судьбы с судьбой Родины и стремление служить ей, чувствуя себя ее сыном или дочерью. И поэтому педагог, как, пожалуй, никто другой, призван осознавать свою профессиональную предназначенность в целенаправленном формировании у каждого воспитанника чувств и личностных устремлений, воплощенных в самом исторически важном для каждого народа понятии — **патриотизме**.

И именно поэтому патриотическое воспитание как осознаваемая необходимость формирования любви к своей Родине у каждого из вступающих в жизнь поколений всегда будет отражать основную, исторически обусловленную потребность народа. Невозможно, чтобы в каждом учебнике по педагогике, в какой бы стране и в какие бы годы он ни был издан, в каждой книге о воспитании не было проявлено особое внимание к патриотизму как самому высокому чувству, объединяющему в единое целое судьбы разных людей, превращающему «население» — в **народ** и преобразующему это **эмоционально порождаемое единство** в основной источник исторического развития страны.

Воспитать патриота — значит воспитать сына своего народа, не только призванного в трудную минуту подняться на его защиту и видящего в этом свой сыновний долг, но и испытывающего **потребность** соизмерять свою каждодневную деятельность с его интересами, нравственными нормами и традициями. Педагоги веками стремились раскрывать пути повышения эффективности процесса целенаправленного формирования патриотизма. При этом, как известно, патриотизм, будучи изначально производным от происходящих в социальном бытии процессов, по-разному проявлялся и, естественно, с разной эффективностью сказывался не только на воспитании подрастающих поколений, но и на политическом и духовно-нравственном

состоянии общественного сознания, общественных отношений, государства в целом.

И нам, осознающим необходимость повышения эффективности патриотического воспитания в современных условиях, как никогда важно выявить объективные условия, определяющие историческое становление и развитие патриотизма как *социальной потребности*.

Исторические видоизменения и сущностные преобразования патриотизма

Множество возникающих в реальной действительности недо-разумений, конфликтов и общественно-значимых противоречий возникает из-за одной трудно устранимой из общественных отношений, казалось бы, всем известной причины. Ибо суть ее – в происходящем, порой радикальном изменении содержания употребляемых нами понятий. И мы даже в профессиональном общении не замечаем, что, употребляя одно и то же понятие, вкладываем в него разный смысл. Нечто подобное происходило и продолжает происходить с употреблением не только понятия «патриотизм», но и с рядом производных от него понятий, в частности, таких как «патриот».

В истории человечества впервые патриотизм, названный *«полисным»*, выразился в активных проявлениях любви человека к своему городу. Именно римляне сумели не только отразить в этом судьбоносном для человечества понятии его эмоциональную природу, но и понять, благодаря чему это чувство рождается в сердцах. Они сделали великое и ни с чем несравнимое по своей формирующей значимости открытие, суть которого в том, что родительская забота, родное жилище, друзья, своя улица, луг, лес, речка – неодолимо пробуждают в человеке стойкую, сохраняющуюся на всю жизнь, эмоциональную привязанность и поэтому могут стать *источником педагогически целенаправленного влияния в процессе патриотического воспитания*. В результате *полисный патриотизм* как практическое воплощение этого открытия возник из социальной неотвратимости отождествления места жительства со всеми необходимыми и бесконечно дорогими каждому человеку жизненными обретенными.

Но усложнение социальных отношений, строящихся на языковых различиях, особенностях возникающих и развивающихся культур, родственных связей и т.д., что изначально не ограничивалось пределами города, столь же неотвратимо вело к возникновению *этнического патриотизма*, призванного служить интересам определенных социальных общностей, связанных единством происхождения, культуры, языка и, естественно, осознаваемой необходимостью самосохранения и развития в условиях непрекращающейся борьбы за выживание. Этническая общность, будучи, с одной стороны, необходимым условием для выживания и социальной адаптации детей, с другой – находясь в

прямой зависимости от степени их готовности защищать его от каких бы то ни было угроз, быть носителем его духовно-нравственных ценностей, традиций, языка была основой сохранения данного этноса.

Фундаментальной особенностью полисного и этнического патриотизмов является связанная с ними социальная обусловленность органичной нерасторжимости каждодневного бытия человека и всей совокупности духовно-нравственных ценностей, воплощенных в историческом опыте народа. Развитие этих видов патриотизма изначально основывалось на имманентной двойственности человеческой природы — *природной и социальной*.

Возникновение же генетически принципиально иного — *национального патриотизма* уже определялось историческими изменениями в развитии *государства как политически создаваемой структуры*, объединяющей разные этнические группы. Бесконечность межэтнических и межконфессиональных с разным успехом преодолеваемых, а то и не преодолеваемых конфликтов, с одной стороны, не могла не приводить общественное сознание к выводу об их исторической бесперспективности, с другой, кардинальные изменения в социальной структуре общества, приведшей в развитых странах к возникновению «среднего класса», не только порождаемого этой формой политического правления, но и всемерно заинтересованного в ее сохранении и упрочении. В результате противоречия и конфликты между разными этническими и конфессиональными группами разрешались на основе приоритетов интересов, и уже в XIX в. начинает заявлять о себе *этнический патриотизм* (1).

Возникшее при этом принципиально новое соотношение общественных интересов, убедительно доказывающих несостоятельность и социальную разрушительность имперских амбиций, нашло свое теоретическое обоснование в признании, образно говоря, в выгоды *светского* государства, способного, благодаря общей для всех Конституции, выражать интересы каждого своего гражданина.

История в очередной раз доказала, как важно, подметив плодотворность возникшей идеи, не только политически и организационно ее поддержать, но и максимально заботливо без особых социальных потрясений найти пути ее последовательного превращения в источник поступательного развития. И такой источник, обеспечивающий реальную возможность эволюционного социального развития, нашел свое воплощение в вербальной преемственности всем известного понятия «светский» (2).

Гладко было на бумаге...

Как было бы замечательно, если бы самые что ни на есть научные социальные теории были адекватны действительности. Прочитал, изучил — действуй. Но управлять государством, принимать решения

приходится в реальной действительности не создателям самых замечательных теорий, а совсем другим людям. Тем, кто оказывается способным повести за собой других, увлечь, подчинить, в конце концов. Кто — пусть и разными путями и по разным основаниям — обретает право властвовать, управлять, принимать обязательные для других решения. Государственному лидеру приходится пройти самый сложный путь для упрочения своей власти, и постоянно испытывать проверку на прочность своего положения. И, естественно, что он не может обойтись без поддержки определенных социальных групп и опоры на ментальные ценности, традиции и идеи, значимость которых несомненна. И одной из таких жизненно необходимых ценностей является «патриотизм», без опоры на который не может обойтись ни один государственный правитель.

При всем многообразии источников, являющихся опорой государственной власти, значение «патриотизма» как фундаментальной опоры власти, ни с чем несравнимо. И реальная возможность каждого пришедшего к власти опереться на испытываемое людьми чувство патриотизма — исторически самая эффективная и значимая основа государственной стабильности. Политическое использование патриотизма как средства укрепления власти определяется социальной сложностью реальной действительности. Ведь политический лидер приходит к власти в разных социальных условиях, изначально определяющих пределы его властных притязаний и возможностей. И он не может не считаться с политической противоречивостью реальной действительности, определяемой в многонациональных государствах *столкновением разных видов патриотизма* конкретных людей, испытывающих и руководствующихся принципиально разными патриотическими чувствами. Таким образом, чувство патриотизма, с одной стороны, являющееся фундаментальной опорой государственной власти, с другой — в силу исторически объективной обусловленности возникновения и одновременного существования противоречащих друг другу «видов» патриотизма — определяющим образом сказывается на политической стабильности государства. И если искать пути не просто сближения, а реального объединения разных этнических групп в единый народ под эгидой государства, то нам не уйти от разрушительности исторически тупиковых внутригосударственных конфликтов.

Услышать и понять другого

Когда современный школьник считает, что «Солнце вертится вокруг Земли», ты понимаешь, что это не потому, что нельзя все знать, а просто для сдачи ЕГЭ, его по этому вопросу не натаскивали. И я не беру слово *натаскивали* в кавычки, потому что именно так происходит подготовка к этому экзамену. И чем скорее мы избавимся от такого «образования», тем лучше.

Но намного хуже и социально разрушительнее совершенно другое, когда человек знает, а поступает не только вопреки этому знанию, а так, будто бы его нет и не было.

И именно так обстоит все, что связано с патриотизмом, с бесконечными призывами о необходимости его воспитания, но при этом никак не учитывающими реальной противоречивости самого призыва и, следовательно, неосознаваемой или отрицаемой обязательности выявления условий, от которых зависит эффективность их воплощения в жизнь. Каждый призывающий, как бы изначально убежден в самодостаточности произнесения самого призыва. И чем чаще его повторять, тем эффективнее будут результаты.

Но, к сожалению, остается не проясненным вопрос о причинах разрушительной противоречивости социальных явлений, проявляющейся в исторически сложившемся несоответствии понятий «патриот» и «гражданин». И значит, остается без социального осмысления отношение к «патриотизму» — как основе государственного воспитания — многих авторитетных, признанных во всем мире философов, писателей, педагогов, государственных деятелей, которым в *любви к своему народу, своему этносу и своему государству* не отказать.

И для доказательства этого утверждения я не буду ссылаться на мнение экспрессивного и не всеми равно воспринимаемого Оскара Уайльда, утверждавшего, что патриотизм «есть великое бешенство» или Сэмюэла Джонсона, считавшего патриотизм «рабством». Но разве кто-нибудь откажет в любви к своей стране, своему народу великому поэту И.В. Гёте, заявившему: «Патриотизм портит мировую историю». И разве мы можем не задумываться над суждениями человека, оказавшего преобразующее влияние на все человечество и, может быть, без преувеличения, самого великого сына русского народа Льва Николаевича Толстого, утверждавшего вслед за Джонсоном, что «патриотизм — прибежище негодяев» и вообще считавшего его «чувством грубым, вредным, стыдным, а главное — безнравственным», и с неизбежностью порождающим войны и служащий «главной опорой государственному угнетению». И с этих позиций получалось, что быть патриотом, служить и во всем поддерживать государство не только плохо, недопустимо и безнравственно, но и преступно. Но не потому, что им лично «не нравился» государственный патриотизм, а потому, что он, служа интересам только одной социальной группы, был в сути своей не только антинароден, но и античеловечен. И настоящим патриотом, не стремящимся угождать ради личного благополучия и карьеры правящему режиму, ставящим интересы эксплуатируемого народа превыше интересов правящей политической верхушки, может быть только *гражданин*, осознающий свою личную ответственность за свой народ, его настоящее и будущее.

И исторически возникшая и существующая содержательная противоречивость понятий «патриот» и «гражданин», не находя своего глубокого рефлексивного и при этом публичного осмысления, не только объективно характеризует современное состояние общественного сознания, но и является самым негативным источником возникновения внутригосударственных социальных конфликтов. В сути своей проистекающих из непонимания их разрушительной исторической тупиковости.

В современных геополитических условиях, определяющих развитие человечества в XXI в., представители любого социального сообщества, не могут не понимать, конечно, если не стремиться к самоубийству, что, с одной стороны, нельзя свой народ, а тем более все человечество, буквально тащить к счастливому будущему, ломая через колено, с другой, — что ни одному народу, чтобы исторически сохраниться и оказаться способным определять свое будущее, без «государства» обойтись *невозможно*. И эта историческая необходимость не может быть не воспринята по-настоящему ответственно самим народом и теми, кто по Конституции обязывается им управлять, а значит — *служить ему*. И нам не только не обойтись без признания объективности возникновения противоречий, порой противоборства между разными проявлениями патриотизма, но и — что жизненно важно для государства — необходимости выявления путей социальной гармонизации этих противоречий.

Естественно, если считать основной политической целью силовое подавление критиков требуемого властью патриотизма, то о такой «гармонизации» и говорить бесполезно. Если же исходить из принципиально другой позиции, изначально требующей во главу угла ставить заботу о настоящем и будущем России как одинаково дорогой для всех *Родины*, без внимательного и заботливого отношения к существующим мнениям не обойтись. И я специально не буду называть фамилии всем известных и бесконечно уважаемых людей, наших современников, чьи высказывания о патриотизме хочу привести, чтобы согласие или несогласие вызвало само определение, а не конкретная фамилия автора.

Вот только некоторые из таких определений:

- Патриотизм — это деятельная любовь к Родине, побуждающая человека к поступкам, которые призваны сделать жизнь его страны лучше. Патриотизм часто путают с болтовней о патриотизме и с национальным самовосхвалением — вещами бесполезными и даже контрпродуктивными.
- Патриотизм — любовь к Родине. Сегодня государство требует ее от граждан, совершая при этом очевидную подмену: вместо любви к Родине государство требует любви к себе. Но Родина и государство вовсе не являются синонимами, это вещи не равные.

Не говоря уже о том, что любовь — это свободное чувство, и принуждать к ней нельзя, в особенности превращая любовь в знак верноподданничества. Любовь к Родине вырастает из глубокой привязанности человека к семье, к дому, к месту, где он родился, к друзьям своего детства, к языку, к культуре, к традициям, а вовсе не возведенная в канон любовь к начальству. Может быть, лучшие в мире слова о любви сказал апостол Павел (1 Кор. 13 : 4), и всякий раз, когда речь заходит о любви, неплохо их вспоминать: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется...» А теперь попробуем соотнести казенный патриотизм, который навязывается, со словами апостола Павла, и многое прояснится.

- Патриотизм — это осознанность. Спокойное понимание того, что с твоей Родиной происходит, попытки разобраться на трезвую голову с современным ее состоянием. Поэтому для меня важнейшее условие патриотизма — сознательное уклонение от любого рода манипуляций, политических, психологических, медийных.

- Подлинным патриотом России является тот, кто считает главной бедой российского общества отсутствие благоговения перед человеческой жизнью — «жизнь — копейка» наша главная пословица.

Принято считать, что патриот — это бесстрашный герой, с багажом идеологических или религиозных ценностей и все у него в единственном числе. В то же время патриотизм — глубокое чувство думающего и не равнодушного человека, чувство красивое, но изменяющееся, как и все прочие чувства.

И не зная, чего они хотят, к чему стремятся, что любят, что ценят еще не пришедшие к власти сегодня, как и в чем видят проявления патриотизма — смерти подобно. Тем более, что, живя в атмосфере непрерывно происходящих конфликтов, они вольно или невольно, в большей или меньшей степени вовлекаются в противоборство, занимая ту или иную позицию. И значит, чувствующий свою историческую ответственность политический лидер изначально не может не понимать, что принимаемое им решение способствует, если и не полному преодолению разрушительной для народа социальной внутригосударственной противоречивости, то, несомненно, смягчению ее проявлений, или же, наоборот, ее радикальному усилению, требующему все большего вовлечения молодого поколения в этот губительный водоворот.

Ведь принимая то или иное решение, он изначально рассчитывает, что в его практическую реализацию будут вовлечены все государственные структуры, включая вузы и школы, и значит хотеть не только как политический лидер, но и как отец своих детей, как сын своих родителей, как гражданин своей страны, чтобы противобор-

ство продолжалось и завершилось победой его единомышленников и полным поражением оппонентов и сторонников другого понимания «патриотизма», либо — чтобы люди, действительно любящие свою Родину, осознали, что для нее — их Родины — ничего губительнее и разрушительнее, чем борьба между ними, нет. И тогда, на основе самого великого испытываемого человеком чувства — любви к стране, в которой живешь, в которой любил и любишь, в которой вместе со всеми радовался, огорчался, страдал и гордился, в которой есть твои друзья, в которой поются дорогие твоей душе песни, в которой проходила и проходит жизнь родных и самых близких людей — может возникнуть самое необходимое многострадальной России чудо уважения друг к другу, полного отказа от признания только за собой права на истину в последней инстанции.

И если действительно ощущать себя сыном своего народа, и действительно хотеть своей стране исторически достойного будущего, то более высокой цели у возглавляемого тобой государства и быть не может.

От идеологии патриотизма к Патриотизму

Мы несколько не сомневаемся в справедливости философского утверждения, что все течет, и все изменяется. Но как бы только теоретически. И я забыть не могу, как мать подростка с нескрываемым недоумением спросила: «Чем объяснить поведение сына, который вчера при гостях резко вырвался, когда я попыталась посадить его на колени?» И, помолчав, добавила: «Никогда раньше ничего подобного не было?! — Не скажете, — в ответ спросил я, — сколько лет сыну? — «Тринадцать», — ответила она.

И рассказываю я об этом анекдотичном случае не для того, чтобы мы, посмеявшись, поразились жизненной слепоте матери, не замечаящей, что сын стал подростком, которого уже не нужно и нельзя пытаться усаживать, да еще прилюдно, на колени. Наша беда в том, что буквально сплошь и рядом мы не замечаем происшедших в реальной действительности и даже в межличностных отношениях происходящих изменений и поступаем точно так же, как всегда. Мы, даже не задумываясь, действуем по сложившейся привычке. Разрушительность такого рода «слепоты» проявляется не только в межличностных, но и в *политических* и в общественных отношениях. И хоть я не политолог, а педагог, считающий, что школа, учитель и педагог должны быть вне политики, не позволяя себе высказывать в учебной аудитории своих личных политических пристрастий, не могу не признать чрезвычайной важности одного аспекта столь судьбоносной проблемы. Собственно педагогического, без которого практическое воплощение в жизнь любой программной идеи, включая идею патриотизма как государственной идеологии, невозможно.

Решение столь сложной проблемы не позволяет уклониться от выяснения *причин*, приведших к исторической необходимости перехода в России от патриотизма как «испытываемого человеком чувства» к патриотизму как «государственной идеологии», тем самым превращения его в содержательную основу отечественного образования. И не разобравшись в сути принципиально новой для образования ситуации, нам — школьным и вузовским педагогам — не выполнить задачи, поставленной перед нами президентом страны.

Для этого я вынужден вернуться к высказанной выше мысли о присущей нам особенности по сложившейся привычке относиться к происходящему, не замечая происшедших глубинных изменений. Мы, как правило, неожиданно сталкиваемся с ними, когда они уже заявляют о себе в виде состоявшегося факта поступка. На основе своего многолетнего педагогического опыта постоянного ведущего на Всесоюзном радио передачи «Взрослым о детях», ведущего в Политехническом музее Круглого стола «Школа и время» я написал много статей и книг, в которых раскрывалась динамика изменения социальных отношений, начиная от межличностных, профессиональных и, завершая, общегосударственными. Я стремился донести до каждого — учителя, родителей, государственного деятеля, проявляющуюся в людских отношениях закономерность — что либо они, благодаря определенным условиям и целенаправленным усилиям, последовательно развиваются, и тогда от вас зависит происходящее не только в настоящем, но и в будущем, либо, наоборот, сами отношения втягивают нас в водоворот происходящего, и мы, исходя из разных соображений, даже пытаюсь найти для себя оптимальное решение, никак уже не влияем на углубляющуюся негативность этих отношений. При этом я даже раскрыл перед педагогами и родителями процесс проявления первых симптомов, свидетельствующих о возникающих и при этом негативных изменениях в отношениях с учениками и родными детьми. И самое главное, что я старался донести, что, как и всякий объективно протекающий процесс, как он будет протекать — на нашей ответственности.

И мне думается, что такой подход может продуктивно сказаться и при выявлении сущностных особенностей воплощения в жизнь *патриотизма как идеологии*.

И я, чье детство пришлось на годы войны, испытавший ужас прямой бомбежки на мосту под Черкассами, пытавшийся от мучительного голода найти хлебные крошки в складках матерчатой сумки, члены большой семьи которого либо сложили свои головы на разных фронтах, либо были убиты немцами, впервые испытавший и бурно выразивший вместе с другими пацанами ни с чем несравнимую радость от взятия Киева, не могу не понимать, что пришлось испытать политическому лидеру страны, чья Родина буквально безнаказанно

кем угодно раздиралась на части, и вынужденно стояла перед всем миром с протянутой рукой. Не могу не понимать, что чувствует человеческая душа, которой буквально приходится, выражаясь словами поэта, не только «лепить из того, что было», но и мучительно корчиться от испытываемой боли. И он не только через все это сумел пройти, но и извлечь самый политически главный вывод — власть, не способная влиять на происходящие в стране события, вынужденная подчиняться внешним и внутренним неуправляемым влияниям, по сути своей, какие бы при этом от ее имени слова ни произносились, преступно антинародна. Что бы ни происходило, последнее слово должно принадлежать власти, если она живет не только сегодняшним днем, и не только близорукими откровенно эгоистическими интересами. И только в этом — концентрированное осознание исторической ответственности, воплощенной в самом слове «власть».

Я как педагог не могу не понимать, что самым великим проявлением творчества является политическое руководство страной, когда приходится руководить миллионами людей, у которых не только свои интересы и цели, но и которые не согласны с тобой, и даже в открытую борются против тебя. И когда вынужденно приходится искать «точки опоры», без которых о каком-либо достижении цели и говорить не приходится. Значит, невозможно не опираться на тех, кто, не только может тебя поддержать, но и способен навязать свою политическую волю всем остальным. Неслучайно, что в такой ситуации оказываются те, кто связывает свои интересы с «сильной рукой», способной не только привести их к власти, но и заставить ее служить себе. И, значит, без тех, кто любит свою Родину и связывает ее интересы с сильным государством, кто не только готов служить ему, но и именно в этом видит предназначенность своей жизни. В течение всех лет своего правления В.В. Путин как политический лидер государства опирался на *чувство патриотизма своих сторонников*, не особо считаясь с проявлениями патриотических чувств своих оппонентов. Самым главным для него была осознаваемая необходимость ни на мгновение не терять возможности управления страной, невзирая ни на что. При этом он не только опирался на своих сторонников, но при необходимости защищал интересы каждого из них.

Но, как оказалось, политический лидер В.В. Путин не служил и не служит ни своим друзьям и политическим единомышленникам, ни поддерживающей его партии, а служит только народам России, их настоящему и будущему. Масштаб его личности оказался значительно выше статуса политического лидера отдельной, пусть даже правящей партии. И его признание назревшей необходимостью превратить патриотизм в государственную идеологию по сути и означает произошедшее изменение в политическом климате страны. И с этой минуты Президент Российской Федерации как гарант еди-

ной для всех Конституции официально признает не только равное отношение власти к каждой политической партии и ко всей разнородности мнений и политических взглядов, если они продиктованы — пусть и с несовпадающих мотивационных установок — заботой о Родине, но и видит в этом основной резерв исторического развития России. Надо признать, что проявленная президентом способность использовать преобразующие возможности патриотизма как государственной идеологии — не просто очередное эффективное предложение, а реальная возможность решения, пожалуй, самой важной проблемы на основе каждодневно функционирующей системы отечественного образования. При этом Путин, призывающий уже в 2002 г. к единству, хорошо учел трагичный опыт либерального благодушия, приведшего, в конечном итоге, к развалу СССР. Наш Президент оказался очень хорошим учеником истории, способным учиться и — поэтому — способным учить. Настаивая на переходе к патриотизму как идеологии, он поступает как политик-педагог, для которого все дети одинаково дороги, которых нельзя и недопустимо противопоставлять друг другу. И мне как педагогу нельзя не признать продуктивности позиции, предоставляющей России возможность слияния воедино созидательной энергии народа и властных ресурсов государства.

Но, как выше отмечалось, воплощение в жизнь даже самой замечательной идеи напрямую зависит от тех людей, к кому она сутью своей обращена. Человек не должен, не рассуждая, не только принимать важные решения, но и некритично относиться к этой изначально новой идее. И, как мне представляется, ее сущностный смысл не только и не столько в том, чтобы бездумно не следовать за кем-либо или поклоняться чему-либо, сколько в необходимости осознания недопустимости *снятия с себя личной ответственности* за каждый свой поступок, конечно, при обязательности соблюдения одного исходного условия — *гражданской заинтересованности*.

Поэтому, как представляется, любые возражения, вплоть до упреков в «утопичности такой позиции» не только приемлемы, но и продуктивны. Неприемлема только самая страшная и губительная, но нередко проявляющаяся привычка «забалтывать» проблему, забывая, о чем с восторгом говорилось вчера. В связи с этим особую актуальность приобретает именно *педагогический аспект* выдвинутой идеи, превращающий поиск ответа на все вопросы в осознание необходимости отношения к этой идее как к совокупности социальных задач, требующих педагогической обеспеченности. Следовательно, патриотическое воспитание становится не просто историческим ориентиром для поступательного развития страны, но именно *конкретным и ежедневно выполняемым* для всего народа и государственной власти делом.

Идея превращения *патриотизма в общегосударственную идеологию* действительно способна выполнить консолидирующую миссию

в силу своей особенности — органической неразрывности знания, призванного формировать внутренний мир ценностей каждого из вступающих в жизнь поколений, и испытываемого каждым чувства любви к своей Родине. От педагогической науки и отечественного образования потребуются обосновать и раскрыть пути конкретного воплощения этой идеи. Необходимость превращения патриотизма в государственную идеологию отражает историческую востребованность трансформации светского государства из средства подавления интересов одних социальных групп ради интересов других в средство *гармонизации внутригосударственных отношений*, тем самым, цементируя понятия «народ» и «политическая нация» в средство преодоления существующих противоречий между государством и обществом.

Не заболтать бы, или от слов — к делу

Если такое сравнение уместно, то любая, даже самая замечательная идея схожа с родившимся ребенком, которому просто не выжить без неусыпной родительской заботы. И, наверное, не надо объяснять, как родителям, мягко говоря, непросто жить, ежеминутно прислушиваясь к его дыханию и малейшему всхлипу. Но именно любовь к этому беззащитному существу позволяет в течение не одного месяца и даже года *жить так*, испытывая при этом ни с чем несравнимую радость.

Но новая идея значительно более беззащитна, чем новорожденный малыш. Ведь надо не только донести ее суть до людей, доказывая, насколько для них же она важна, но и — что самое главное — найти и пути ее превращения из произнесенных, пусть и очень важных слов — в лично значимую мировоззренческую установку, которой они будут руководствоваться в повседневной жизни.

Естественно, что в обществе, раздираемом сложнейшими внутренними противоречиями, любая идея найдет не только своих сторонников, но и натолкнется на противостояние противников. Однако безудержное стремление постсоветского общественного сознания выдвинуть идею, способную преодолеть разрушительность социальных противоречий, не может не убеждать, что в жесточайших условиях глобализации без целенаправленного объединения властных возможностей государства и творческой энергетики социума России не выстоять.

Для этого придется решить две взаимообусловленные задачи.

Первая — необходимость оказания на социум просветительского и пропагандистского воздействия, призванного раскрыть представления о патриотизме как социально-политической основе для построения будущего верной своим духовно-нравственным ценностям и конкурентоспособной России.

Вторая, может быть, самая сложная задача — воспитание подрастающего поколения на основе идеологии, которую, по сути, только

еще предстоит разработать как **учебный предмет**. Ибо **патриотизм как идеология** это в то же время и **совокупность особых знаний**, призванных не только сформировать исходные мировоззренческие установки, но и придать им непреходящую значимость и ценность. И признание особой личностной значимости таких знаний является единственной основой, с позиций которой может исчезнуть противоречие «личность и государство».

Различие подходов государства к использованию патриотизма на Западе и в России проявляется в том, что у них он предлагается на «договорной основе», т.е. заранее оговаривается и официально утверждается «сколько» и «за что» получит от государства каждый, чьим патриотизмом оно — государство — воспользовалось. У нас же патриотизм, как и всякое используемое проявление любви, не оплачивается. И в результате получается, что нынешние, даже самые активные защитники гражданских свобод, в принципе, не возражают против использования властью патриотической любви, надо только строить отношения между гражданином и государством на «договорных началах».

И ведь действительно, потеря ноги — это одно, зрения — другое, а жизни, естественно, третье. И сам человек, и его семья не могут быть государством брошены, оставлены с бедой наедине. Но причем здесь патриотизм?! И разве наемник, заключающий договор, и видящий в заранее оговоренной сумме свою цель — патриот? Это совсем не риторическая постановка проблемы, а только одна из ее сторон. Ибо за ней как бы скрывается совершенно **другая**. Суть ее в том, что совершенно справедливое требование не бросать человека в беде, и на государственном уровне проявлять заботу о нем, поставленное на место испытываемой человеком любви к своей Родине, возводит «деньги», в духовную социальную ценность.

И все же, надо признать, что даже столь циничное отношение к патриотизму представляется не самой страшной бедой, вторгнувшейся в мир духовно-нравственных ценностей.

Любовь вообще, и, тем более, любовь к Родине — самое великое историческое обретение человека. Преображая его внутренний мир, оно не только влияет на его поступки, отношение к другому человеку и буквально ко всему, что его окружает, но и придает **самой его жизни особый смысл**, награждая счастьем, какое не мог испытать тот, кто так не любил. Любовь как ничто другое, избавляет человека от испытываемого одиночества, позволяя человеческой душе ощутить свою нерасторжимость с другим человеком и окружающим миром. Не страсть, не увлечение, не желание овладеть, а именно любовь раскрывает перед человеком возможность проявить себя в служении, ответственности и долге, но ощущаемых как жизненно необходимая потребность.

И, к сожалению, приходится признать, что нынешние дискутирующие и занимающие разные позиции теоретики, не признавая именно этой личностной значимости патриотизма, а только исходя из интересов государства, по сути, не поняли великого пушкинского откровения — «Не продается вдохновенье. Но можно рукопись продать» [Пушкин 1985, 311].

А не понимать, что чувство любви к Родине, в первую очередь жизненно необходимо самому человеку, значит по сути отрицать *необходимость* использования в воспитании этого великого в своей преобразующей мощи чувства *в интересах самого человека*. И это уже не философский, не социологический и не политический, а сугубо *педагогический вывод*.

Приходится признать, что наши идеологи, политологи, пропагандисты, теле- и радиоведущие, как правило, не зная или не признавая особенностей воспитания, не считаются с очень важным по своей неотвратимости законом — возникновению адаптации. И поэтому, стремясь к достижению выдвигаемой цели, они считают, что чем чаще говорить о том, что представляется важным, тем лучше и быстрее будут достигнуты результаты.

Но не столько для опровержения такого взгляда, сколько для обращения к незабываемому факту из моей учительской биографии, приведу пример. Не успел я войти в класс, как сразу же был встречен произнесенным моими семиклассниками речитативом: «А мы знаем, о чем Вы нам будете говорить!» И я, действительно, не понимая, что их побудило, так меня встретить, простодушно спросил: «О чем же?», И они, хохоча, перекрикивая друг друга, ответили — «О XXII съезде партии! До Вас на каждом из пяти уроков каждый учитель с этого начинал урок!» К такому ли результату стремился каждый из учителей, посчитавший необходимым начать урок с этого?

Если неотложность решения сугубо политических проблем изначально предопределяется сложившейся ситуацией, то в воспитании ни при каких обстоятельствах недопустимо игнорирование фундаментальных *педагогических* законов. В данном контексте — адаптации. И если решение политических проблем изначально призвано осуществляться с позиций требования «здесь и сейчас», то в педагогике все только и может быть достигнуто при обязательном понимании того, что образование — независимо от того признаем ли мы это или нет — это *будущее, не спонтанно возникающее, а целенаправленно создаваемое в настоящем*.

При этом, когда речь идет об образовании, очень важно, наконец, осознать, что столь нужный «результат» воплощается в конкретных людях, их отношениях, мировоззренческих установках и волевых устремлениях, и что именно *эти люди*, выйдя за порог учебного учреждения не только проявят свои профессиональные компетент-

ности, но и окажутся защитниками наших нравственных ценностей. Поэтому решение проблемы находится в прямой зависимости от того, насколько мы сумеем не только донести до каждого ребенка знания о патриотизме как нашей государственной идеологии, но и педагогически преобразовать эти знания в *особую эмоционально значимую ценность*. Поэтому преподавание патриотизма как программно *изучаемого предмета* станет эффективным, если будет находить в детской душе *эмоциональный отклик*. В этом — фундаментальная основа *педагогического решения* проблемы преподавания патриотизма. Любая эмоция, особенно любовь, изначально не является производным от логичности аргументов и, тем более, от частоты повторения произносимых слов. Ее источник — сюжетная динамика раскрываемых отношений, эмоциональное воздействие которых он не может не ощущать, единственное, что позволит педагогу связать воедино ощущение, испытываемое ребенком, и слово, его отражающее. Без этой опоры любые произносимые слова, даже понятые и уместные, к испытываемым ребенком чувствам никакого отношения, по сути, не имеют. Разве что приводят к возникновению нескрываемо циничной готовности произносить их, ничего при этом не чувствуя.

Учить патриотизму как государственной идеологии

Признание патриотизма государственной идеологией, призванной стать содержательной основой целенаправленного воспитания подрастающего поколения, требует, как отмечалось, выше решения двух взаимосвязанных задач — разработки содержания принципиально нового *учебного предмета*, т.е. того, чему изо дня в день *учить* и отбора средств и методов, способных сформировать личностное, *обязательно эмоциональное отношение* к этой идеологии.

При этом и методы, и формируемое содержание этого *учебного предмета* изначально должны быть подчинены только одной цели — *пробуждению в детских сердцах любви к своему отечеству*.

Для этого и содержание, и методы должны обеспечивать личностную эмоциональную заинтересованность ребенка в соответствии с его *возрастными особенностями*. Не лекции о значении патриотизма, не примеры проявления патриотизма со стороны известных героев, а стихи, сказки, песни, которые ребенку изначально будут нравиться, которые ему захочется еще и еще раз услышать, прочитать и спеть, и из которых он не только будет узнавать что-либо новое, но и *испытывать* определенные чувства, порождающие желание пожалеть, сострадать, прийти на помощь, восхититься или — наоборот — осудить. И тем самым создавать эмоциональный фундамент, на котором идеология патриотизма, *не претендуя на разрешение всех социальных противоречий*, объединит каждого молодого человека с интересами государства.

Великий Макаренко завещал всем, кому дорога страна, ее будущее — дети: воспитание, не сводимое к примитивной дисциплинированности, контролю и администрированию, не может и не должно строиться на отрицании, даже когда речь идет о запрете. «НЕ делай», «НЕ нарушай», «НЕ балуйся» и т.д. как распространенные и хорошо известные образцы запретительной педагогики изначально лишены позитивно формирующего начала. «Не делай» не отражает потребности ребенка в ответе, что *нужно делать*. Частица «не» не несет в себе той необходимой *определенности*, без которой воспитание лишается самого главного четкого *содержательного наполнения*. И только в слиянии такого наполнения в неразрывном единстве с испытываемым человеком чувством проявляется социальная предназначенность воспитания вообще, а *идеологического — в особенности*.

Воспитание как удивительное чудо превращения внешне оказываемых влияний в мир внутренних установок и волевых устремлений личности, только тогда будет соответствовать своей фундаментальной предназначенности, когда судьбоносные для бытия и развития социума ценности *перестают быть формально заученным знанием, а становятся основой мировоззренческих и эмоционально-волевых устремлений личности*. В объективно неразрывной связке «воспитание—знание» определяющим должно быть то, что, единственно, отражает *педагогический смысл государственно востребованного образования — формирование личностного отношения ко всей совокупности проблем*.

К сожалению, в постановке проблемы «*цели в образовании*» в научном и общественном сознании не вполне отрефлексирована ее глубинная *диалектичность*. Одного факта выдвижения в образовании определенной, требующей немедленной практической реализации цели, *не достаточно*. Отсутствие при этом системной проработанности для ее достижения не только не приведет к желаемому результату, но и неотвратимо скомпрометирует саму цель.

Цель, выдвигаемая в образовании, это, с одной стороны, формируемое *будущее*, которое без *прогностической обоснованности не может состояться*, с другой — *это последовательный процесс, эффективное воплощение которого напрямую зависит от готовности каждого структурного звена системы образования действовать согласованно*.

XXI век, на который возлагались такие грандиозные надежды, к сожалению, не только не оправдал их, а наоборот, все сильнее ввергает нас в водоворот разрушительных событий, происходящих во всем мире, что не может не отразиться и на России.

И когда президент предлагает превратить патриотизм в государственную идеологию, то в этом великая историческая прозорливость политического лидера, видящего именно в этом единственную возможность сохранения того, что дорого каждому сыну и каждой дочери России, поскольку единственной основой сознательного граждан-

ского объединения людей, придерживающихся разных политических взглядов, исходящих из разных исторических представлений и духовных ценностей, может быть только любовь к Родине.

Но для ее воплощения в жизнь школе придется самостоятельно сделать то, чего вместо нее никто сделать не может — ибо нужно не просто донести до ученика положения Конституции и остальное содержание учебной программы, а сделать это так искусно, чтобы они проникли глубоко в душу каждого ученика. И тем самым стали его духовным жизненным ориентиром.

И именно поэтому школа, ответственно относясь к призыву президента страны, реально становится основным средством практического осуществления столь необходимой для страны, для каждой семьи, каждого гражданина цели. Ибо формирование патриотизма как идеологии позволит не только обеспечить исторически востребованный уровень сплоченности всего народа, но и наполнить жизнь каждого поколения значимым духовно-нравственным смыслом.

Необходимое заключение

Эта статья, актуальность которой была определена идеей президента об исторической необходимости превращения великого чувства любви к своей Родине России — патриотизма — в востребованную временем государственную идеологию, была написана мною сразу же после ознакомления с нею в печати.

И все же, живя в реальной и безгранично конфликтно-противоречивой действительности, я долго не мог прийти к решению — опубликовать ее или нет. Тем более, что высказанная Президентом страны, и причем не единожды, идея не находила публично активной поддержки, не говоря уже о возможных путях ее конкретной реализации. К тому же, чем больше проходило времени, сама идея опоры на патриотизм как основу духовно-нравственного единения всего народа стала с разных, не столько идеологических позиций, сколько политически групповых пристрастий не только критиковаться, но и представляться как духовно разрушающая социум опасность.

Принципиально важным является другое, чего как бы не замечают или не хотят замечать эти критики — самого, как мне представляется, главного. Впервые в истории России на вершине политической власти оказался человек, осознавший свою личную ответственность и ответственность государства не перед абстрактным понятием «народ», а перед этот народ составляющими реальными людьми, перед *каждым человеком*.

Не могу не отметить и того, что В.В. Путин уже дважды обращался к обществу с призывом сделать отечественную школу лучшей в мире.

Я, более полувека своей жизни посвятивший отечественному образованию, несмотря на сложность реальной ситуации, сложившейся в мире и нашей стране, в конечном итоге принял непростое для себя

решение опубликовать эту статью не только потому, что полностью разделяю позицию президента страны, но и потому, что у всех нас, противостоящих друг другу в дискуссиях, и даже при недопустимом различии экономических условий своего социального бытия, просто нет другого выхода: только в объединении возможно поступательное развитие единой и единственной для всех нас страны.

PS. Как педагог, разработавший «Педагогическую аксиоматику» [Турбовской 2016], с позиций которой любое решение, адресованное массовой практике, будет априорно эффективным только при опоре на установленные педагогические закономерности, я не могу не порадоваться прозорливости политического лидера страны, увидевшего именно в патриотизме, основанном на Конституции, реальную возможность объединения всех ее граждан, независимо от их мировоззренческих взглядов и пристрастий, также как объединения государственной власти и творческого потенциала народа как основы для будущего России.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Этатизм (от фр. *État* – «государство») – идеология, утверждающая ведущую роль государства в политической жизни, включая подчинение интересов как отдельных людей, так и групп интересам государства.

(2) Значение слова «Светский» по Т.Ф. Ефремовой: Не церковный, мирской. Свойственный мирским людям, мирянам, характерный для них [Ефремова 2000].

Значение слова «Светский» по словарю Даля: Светский – к свету (миру) в разных значениях, земной, мирской, суетный; или гражданский. Светская власть противоположна власти духовной [Даль 1978].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Даль 1978 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1978.

Ефремова 2000 – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.

Пушкин 1985 – *Пушкин А.С.* Разговор книгопродавца с поэтом // *Пушкин А.С.* Сочинения. В 3 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1985.

Турбовской 2016 – *Турбовской Я.С.* Педагогическая аксиоматика. – М., 2016.

PATRIOTISM AS A STATE IDEOLOGY: PEDAGOGICAL ASPECT

Ya.S. TURBOVSKOY

*Institute for Strategy of Education Development,
Russian Academy of Education, Moscow, Russia*

Summary

The article philosophically interprets patriotism and examines pedagogical, educational, and methodological aspects of patriotic education in general

schools as an important component of the modern educational process. The author gives an explanation, why a teacher, not having a professional right to introduce any political dissociation into children's environment, nevertheless has a duty to take the responsibility in the purposeful formation of each pupil's feelings and personal aspirations embodied in the patriotism, a concept of which is historically important for every nation. The author reveals the historical aspiration of teachers to find ways for increasing the effectiveness of the process of purposeful formation of patriotism as a social need, designed to serve the interests of certain social entities, connected by the unity of origin, culture, language and, certainly, realized necessity of self-protection and development. The article argues that the teaching of patriotism as a separate subject will become effective only when the emotional response will be found in a child's soul. That is the fundamental basis for the pedagogical solution for the problem of patriotic upbringing.

Keywords: patriotism, pedagogical axiomatics, constitution, mass practice, political dissociation, pedagogical norm, people potential, social need, self-protection, development.

Turbovskoy, Yakov – D.Sc. in Pedagogical Studies, Professor, Deputy Head of the Laboratory of Theoretical Pedagogy and Philosophy of Education, Institute for Strategy of Education Development; Head of the Council of School Principals of the CIS Countries.

turbovskoy@instrao.ru

Citation: *TURBOVSKOY Ya.S. (2017) Patriotism as a State Ideology: Pedagogical Aspect. In: Philosophical Sciences. 2017. Vol. 10, pp. 7-26.*

REFERENCES

Dal V.I. (1978) *Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language*. 4 volumes. Russkiy Yazyk, Moscow (in Russian).

Efremova T.F. (2000) *New Dictionary of Russian*. Russkiy Yazyk, Moscow (in Russian).

Pushkin A.S. (1985) Conversation of a Bookseller with a Poet. In: Pushkin A.S. Works. 3 volumes. Vol. 1. Khudozhestvennaya Literatura, Moscow (in Russian).

Turbovskoy Ya.S. (2016) *Pedagogical Axiomatics*. Moscow (in Russian).